

— Уже четверть века вы в театральном мире образованная пара. А поодионочке вам как жилось?

Эммануил ВИТОРГАН (в дальнейшем Э.В.): Мы — дети войны, так что с детства заложила привычка к скромному житию. У меня отец — инженер, работал в мукомольной промышленности. Считался крупным специалистом, все время ездил по стране, восстанавливал разрушенные войной заводы. Поэтому родили меня в Баку, потом папу перевели в Ставрополь на Кавказе, следом — в Астрахань. Там родители до сих пор живут, там и старший брат остался. Он у нас нормальный человек, энергетик, мама — всю жизнь по дому, так что ненормальный в семье один я.

— Видно, родители это предпочтительнее, потому и имя дали редкое. Не дразнили в детстве?

Э.В. Ко мне никакие клички не пристают. Маленьким я был толстым, поэтому, когда в футбол играли, меня в воротах ставили. Говорили, что не больно будет на булжники падать за мячом. За толщину приятели прозвали меня Бочкан, но я быстро вымахал и получил в школе прозвище Гипотенуза. Только оно тоже как-то не прижилось. Что касается имени, оно действительно с непривычки удивляет, особенно детей. Когда говорят Эмма, они ищут женщину и очень изумляются, услышав от взрослого дяди: «Да это я!» Имя мне выбрала мама: во время погрома в Одессе убили ее брата, которого звали Эммануил, так что я назван в память о нем. Но должен вам сказать, что Эммануил — это еще и имя Христа, оно обозначает «С нами Бог».

— И где же бог отыскал себе богино?

Э.В.: В Ленинграде. Там я в юности жил, учился в ЛГИТМиКе, потом работал в Театре имени Ленинского комсомола, где мы и познакомились.

— А вас, Алла, какие пути туда привели?

Алла БАЛТЕР (в дальнейшем А.Б.): Длинные. Мама родила меня рано, в девятнадцать лет, воспитывала одна. Выросла она в детдоме, там и флейтистка стала: получила на детском конкурсе флейту в подарок. На ней потом и в Театре имени Леси Украинки играла. Там, за кулисами, я и росла, пока не сбежала из Киева в Москву. У меня в жизни вообще случались периодические бегства.

Э.В.: Что-то ты со мной задержалась. Не пора ли задуматься?

А.Б.: Да уж... Я когда с киевскими актерами встречаюсь, они говорят: «Тебя всегда куда-то тянуло». Я им: «Тянуло в Москву». И, кстати, в Театр имени Маяковского. Приехала я сюда к Охлопкову. Когда его театр выступал в Киеве на гастролях, я с другими детьми участвовала в массовках в нескольких спектаклях — тогда «Аристократы» были, «Гамлет»... Ну и когда Театр имени Леси Украинки гастролировал в Москве, мой педагог познакомил меня с Охлопковым: «Вот эта дивчина, даже гарна, мечтает у вас работать». Тот на меня посмотрел: «Что ж, отучишься — приезжай». А мне большего и не надо! Прощаю телевизор «КВН-49» за шестьдесят рублей — и в Москву, даже не получив диплома. И Охлопков взял меня в театр, во вспомогательный состав. Счастлива была безумно! Но три месяца повышала на массовках — и когда меня разыскал директор Севастопольского театра и пообещал златые горы, отказываться не стала. Играла много, а потом на гастролях в Ленинграде получила приглашение в Театр имени Ленинского комсомола. Там и встретилась с Виторганом.

— Друг другу приглянулись потому, что красивые оба?

Э.В.: Конечно, когда я Аллочку впервые увидел, красоту оценил. А когда пообщался, понял: душевная она очень и мудрая, и умничка.

И вообще все, что можно говорить хорошего о женщине, — в ее адрес. Поверьте, тут я абсолютно объективен. Считаю, если человек того заслуживает, и особенно если это близкий тебе человек, мы просто обязаны про него хорошее говорить: пусть знает.

А.Б.: В театре мы встретились в замечательный период. Там были ученики Товстоногова, и сам Георгий Александрович ставил спектакли. Мы были одержимы, много работали, много играли. И удачно. О нас так и говорили: «Хорошая пара». В общем, доигрались. Эмма — очень славный человек. В нем — дивное сочетание мужского и нежного, сильного и слабого. Он очень искренний, умный, ироничный — и при этом очень рани-

они советовали что-то. Но в основном все делали сами.

А.Б.: Эмма то ли ленив, то ли робок, — режиссерскую профессию так и не приобрел, хотя должен бы, ему об этом многие говорили. Но он решил, что не смеет, да и актерство затянуло. А я считаю — его серьезное упущение, что не поступил на режиссерский.

Э.В.: «Нет бумажки, а без бумажки ты какашка», — как говорил мой герой в фильме «Профессия — следователь». Наверное, дело в моей лени. И еще вот в чем. Меня приглашали преподавать или там быть членом месткома, художественного совета. Членом художественного совета я, правда, был — и в Театре имени Станиславского, и здесь, в Маяковке. Но я не

А.Б.: Ты так говоришь, что можно подумать — ты меня всю жизнь пытался устроить в кино.

Э.В.: Если бы я пытался это делать, ты бы, наверное, снималась. То ли это моя проклятая застенчивость, то ли... Никогда себе не позволял говорить режиссерам о жене и о сыне.

— Но ведь приглашения в кино у Аллы были?

А.Б.: Для меня очень труден барьер проб. Никогда не забуду встречу с Самсоновым, который мне предложил роль Беатриче. Я очень обрадовалась и говорила с ним приблизительно так: «Для Беатриче я уже чересчур взрослая — мне тогда лет двадцать девять было — и в принципе лучше бы эту роль сыграть совсем молоденькой

— Москвичами вы стали давно. Когда расставались с Питером, сожалений не было?

Э.В.: Ленинград всегда был очень консервативным городом. Если в Москве хоть что-то позволялось, то Ленинград, руководимый обкомом, был просто как закрытый город, какой-нибудь там Челябинск-65. В искусстве, во всяком случае. Даже Товстоногову, народному артисту Советского Союза, депутату Верховного совета, и то закрывали спектакли. Мы пытались создать что-то свое, ночами репетировали — и ничего! Это и послужило причиной отъезда. Хотя, когда мы решили уйти из Ленинграда, который тоже на наших глазах стал рушиться, Товстоногов приглашал нас в БДТ. Но там такая труппа

— Кто из вас больше занимался сыновним воспитанием? Мама по традиции?

А.Б.: Сам воспитывался. Какое воспитание, когда у меня вечером спектакль и три часа надо быть на сцене? И когда утром по три-четыре часа репетиции?

Э.В.: В Москве у нас дедушек-бабушек нет, поэтому Максим самостоятельно рос.

А.Б.: Мы жили в общежитии, это было удобно: рядом люди, с которыми он мог оставаться. У него были любимые друзья в общежитии.

Э.В.: Но и родители кое-что для него делали. Во всяком случае, сейчас он имеет квартиру хоть маленькую, но свою. В двадцать два года! А родители его получили свою квартиру и держали в руках ордер впервые в жизни, когда его папе было сорок лет. Хотя всю жизнь играли центральные роли. Эта вот наша неприспособленность к бытовой жизни, неумение стукнуть кулаком по столу, когда нужно. Нас в Театре Станиславского просто обманули: когда звали, говорили, что квартира — максимум через год. А прошло восемь лет в общежитии, там и Максим родился. Представляете, актерская компания, в комнате — гостей человек пятнадцать и ребенок тут же за шкафом. И ничего, весело. Аллочка, правда, волновалась, а я все говорил: «Что ты так нервничаешь, вот сейчас всем дадут, а дальше все равно строить будут — и нам в конце концов достанется».

А.Б.: Это вообще его принцип: подождем, когда все всем дадут, подождем, когда все войдут в самолет. Иногда даже обидно становится. Бывало, стоим у самолета, дождь льет, а он все равно будет ждать, пока все пройдут, чтоб не толкаться!

Э.В.: Зато если бы вы сейчас увидели нашу квартиру! Две комнаты, воздух, чистота: ремонт только что сделали. Благо, с фирмачами повезло — позволили оплатить все не сразу, а в рассрочку, а то бы никогда не осилили. И вся эта красота прямо у Белого дома. Так что если опять бабахать будет... Пока, правда, везло, даже наш «Жигуль» не спалили.

А.Б.: Есть такая фраза в пьесе «Дурочка»: «Чем больше требовать в любви, тем меньше получаешь, сестрица». Учитывая это, нам жаловаться нельзя, жизнь наша сложилась замечательно. Мы хотели работать — и мы работали. А остальное приходило позже.

Э.В.: Хотели получить ту профессию, о которой мечтали, — получили.

А.Б.: Не хотели терять время — ходить по приемным, писать заявления, ждать. И не ходили.

Э.В.: Мы никогда не получали никаких премий. Звание нам дали только в «Маяковке». Когда пришли сюда, Гончаров сказал: «Да вы его уже давно заработали!» А сами персонально никогда этим не занимались. И никогда ничего не требовали. Кроме как в профессии.

— Вы так спокойно относитесь к житейским неурядицам, что с вами и себя чувствующий счастливой. Правду говорят, что полезно общаться с людьми, которые ни на что не жалуются...

А.Б.: Живя с ним, вообще нельзя жаловаться. Он был на краю — и потряс врачей юмором, легкостью в общении, отсутствием паники в всяких жалобах. У него характер такой, что он не жалуется. А рядом с ним и мне как-то это не положено. Хотя я, может быть, иногда и пожаловалась бы.

Э.В.: Ничего, она со своими подругами делится. А вообще мы для себя решили, вернее, Аллочка чью-то мудрость в жизнь претворила: никогда не говорить о других плохо. Потому что если будешь проклинать кого-то, желать кому-то зла, то в тебе самом вырабатываются отрицательные ферменты и ты сам себя в это время жрешь.

(Окончание на стр. 8.)

Алла БАЛТЕР, Эммануил ВИТОРГАН:

«СТЫДНО БЫТЬ НЕСЧАСТЛИВЫМИ...»

Курьеры. — 1995. — 20 сент. — С. 7-8.

мый. Представляете, такой сильный мужчина — и вдруг ранимый? Замечательное сочетание!

— В семейных парах обычно кто-то лидирует. В вашей кто лидер?

А.Б.: По-разному. У него сильнее характер, чем у меня, естественно. Бывает, и наступит. А иногда и я в защиту встану. Но за лидерство бороться нам как-то несвойственно. Жизнь сама складывается: сегодня — я, завтра — ты.

Э.В.: Во всяком случае, в быту у нас, как принято сейчас говорить, нет проблем. Мы все переносим легко и вместе. Естественно, я в этом смысле бываю грешен — более ленив, как любой мужик. И говорить: «Тебе следовало бы сделать тот-то и то-то» — Аллочке иногда приходится. Но за наши двадцать пять лет совместной жизни мы очень мало конфликтовали. Да и чего спорить? Вижу, стоит полное ведро с мусором — вынесу, хлеба в доме нет — схожу в булочную, куплю. Другое дело в профессии. Тут я более жесток, иногда даже жесток, видимо, в силу принадлежности к сильному полу. Могу голос повысить, нервничая очень сильно, тут и Аллочке может достаться. Но это нормально. У нас есть спектакль-концерт на двоих, сделанный давно, — «Стыдно быть несчастливой». Играл наших любимых авторов по принципу: кого полюбили, того и вводим. В режиссуре тут многие с нами соучаствовали: и Роман Виктюк, и Толя Васильев, и Борис Морозов, и Иосиф Райхельгауз. Мы им показывали,

могу брать на себя право решать чьи-то судьбы, чьи-то судьбы. А ставить спектакль — это брать на себя колоссальную ответственность по отношению к другим. Когда я работаю, для меня другого не существует, могу в пылу сорваться, нагубить, хотя в жизни к этим же людям отношусь чудесно. И брать в свои руки власть не вправе.

— Слышала, что в жизни вы невероятно деликатны, застенчивы. Значит, это не так?

А.Б.: В быту безусловно так. В метро, магазине, на всяких, как теперь говорят, тусовках Эмма и вправду застенчив. Это в нем от природы. Да у нас вся семья такая.

Э.В.: Не умею по-другому. Иногда сам себя ругаю. Знаете, при застенчивости потеш, краснеешь. Но подделать ничего не могу. Хотя люди ко мне поразительно хорошо относятся. Не могу этого понять, все время достаю Аллочку вопросом: «Почему так?» Вроде бы в кино кучу мерзавцев переиграл и относиться надо бы соответственно. А тут в очереди вдруг говорят: «Проходи, бери!» И все, я подыхою. Отнекиваясь: «Да я постою!» Потом — тыфу и вообще ухожу.

А.Б.: Я бы задала вопрос кинорежиссерам, которые его снимали: по каким признакам из него сделали отрицательного героя? Интересно, что бы те ответили.

Э.В.: Я бы тоже задал им вопрос: «Как можно не снимать Аллу Балтер?» Говорю это не как муж, а как человек, который в этой каше варился, видел артисток, которых снимают...

девочки. Но если все же я, то роль надо решать вот так... И так много режиссерам сказала, что больше мы с ним никогда не встретились. У меня таких случаев много было. Я ценю очень открытые отношения с режиссерами, должна быть уверена, что меня видят и знают со всех сторон, достанут из меня все, что нужно. Видимо, слишком открываюсь, а это совсем не нужно.

Э.В.: Думаю, у Алочки тут еще одна большая беда. Она не дает перспективы физического сближения, а на это очень обижаются. Профессиональную близость, о которой она только что говорила, многие понимают как обещание постели и недоумевают, когда не получают желаемого.

— Как муж относится к подобным ситуациям? Ревнует? Да и жене такого эффектного мужчины, наверное, приходится неспокойно?

А.Б.: Мы большую жизнь прошли вместе и к подобным вещам относимся спокойно. Думаю, дело в том, что встретились мы не в семнадцать лет, а немножко позже, успев пожить самостоятельно. Поэтому есть понимание необходимости свободы друг для друга. Если бы я ревновала его к каждому взгляду, то сидела бы уже в психушке. К нему замечательно относятся женщины, глазками стреляют. Что ж, я должна за каждый взгляд набивать ему синяки?

Э.В.: Что касается меня, то для ревности Аллочка никогда не давала мне повода. А тому, что ею любят, я только радуюсь: это же мне досталась такая хорошая!

была шикарная, когда бы мы еще смогли там выйти. И мы решили в Москве начать все сначала. Должен сказать, что все крупномасштабные решения, которые мы принимали в жизни, на проверку оказывались правильными. Правильно, что уехали из Питера и пришли в Театр имени Станиславского. Правильно, что ушли оттуда на Таганку с Толем Васильевым. Правильно, что оказались потом в Театре имени Маяковского и уже десять лет здесь работаем. Здесь очень хорошая труппа, так что в человеческом плане все спокойно, да и «хозяин» замечательный.

— А в каких новых спектаклях вас можно увидеть в ближайшем будущем?

Э.В.: Так получилось, что Андрей Александрович Гончаров решил «ударить» по русской классике. А мы в нее не очень влезаем со своими европейскими рожами. Неделевенскими, так бы я сказал. Поэтому пока у нас затишье. Для меня это нормально, я спокоен. А вот Аллочка беспокойна, и это можно понять: время идет, для женщины это всегда тревожнее.

— У сына актерская судьба благополучно складывается?

Э.В.: Идет потихонечку. Максим окончил ГИТИС, сейчас в ТЮЗе, у Яновской. Сюда, к нам, он идти не хотел: целая семья в одном театре — это уж как-то... Максим говорит, что ему достаточно и фамилии, а уж если еще и под крылышком у родителей... В ТЮЗе больших работ у него пока нет, но ему нравится в массовке бегать, прыгать. Мы все прошли этот путь, так что нормально.